

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
на диссертацию Кадырова Дауда Эсенбаевича
«Язык как отражение социальных изменений: теоретико-методологический подход
Кембриджской школы истории мысли»
по специальности 5.7.7 – Социальная и политическая философия
на соискание ученой степени кандидата философских наук

Центральная проблема диссертационной работы – вопрос о применимости эвристического потенциала Кембриджской школы интеллектуальной истории к области современных социально-философских исследований. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка, включающего в себя 180 позиций (в том числе 126 источников на иностранном языке). Основные результаты диссертационной работы представлены на всероссийских и международных конференциях (Дубна, 2019 г.; Москва, 2021 г.), теоретических семинарах сектора социальной философии ИФ РАН, а также нашли отражение в 3 публикациях в научных рецензируемых изданиях, включенных в Перечень ВАК.

В первой главе диссертационной работы автор реконструирует базовые принципы теоретико-методологического подхода Кембриджской школы в довольно широком историко-философском контексте, особое внимание уделяя отдельным концепциям ключевых для этой школы фигур – Квентина Скиннера [стр. 41–72], Джона Покока [стр. 72–84] и Джона Данна [стр. 84–91]. Во второй главе диссертационной работы автор выдвигает и обосновывает некоторые ключевые тезисы (о поглощении историей языка политической и социальной истории [стр. 107–108]; о примате лингвистического контекста высказывания над социальным [стр. 108]; об определении языка как важнейшего маркера социальных установлений и изменений [стр. 110–111]; об идеологиях как стратегиях семантических новаций [стр. 134–141] и др.), которые в сумме своей, по замыслу автора, должны легитимировать теоретико-методологический подход Кембриджской школы в качестве релевантного инструмента социально-философских исследований. В третьей главе автор предлагает краткий обзор основных линий критики Кембриджской школы [стр. 155–159], сравнительный анализ некоторых альтернативных проектов интеллектуальной истории (Л. Штрауса, А. Лавджоя, О. Бруннера, В. Конце, Р. Козеллека и др.) [стр. 160–177], и наконец, рассматривает и обсуждает возможные траектории трансформации исследовательских практик для нового поколения представителей Кембриджской школы (в том числе на примерах практики ряда российских интеллектуальных историков – Т. Атнашева, М. Велижева, О. Хархордина, А. Магуна, Н. Копосова, М. Ямпольского, К. Бугрова и др.) [стр. 178–185].

По мнению автора, своеобразной «визитной карточкой» Кембриджской школы служит лингвистический контекстуализм [стр. 6, 41, 73–74, 95, 102–107]. Классическая (парадигмальная) схема лингвистического контекстуализма базируется на принципах прагматической философии языка (Л. Витгенштейн, Дж. Л. Остин), интерпретационной логике вопросов и ответов (Р. Дж. Коллингвуд), интенциональной теории действия (М. Вебер) и в самом упрощенном виде включает в себя следующие компоненты:

(CS1) *Исторический текст является речевым актом, совершаемым агентом в определенном контексте.* Главный вопрос для интеллектуального историка – «Какой именно речевой акт совершал автор в процессе создания своего текста?». Чтобы определить, что именно автор хотел высказать в некотором тексте, интеллектуальный историк должен прежде определить, что на самом деле делал автор, высказывая все то, что было высказано в данном тексте.

(CS2) *Намерение агента (иллокуцию) следует отделять от смыслового контента речевого акта (локуции), значение которого детерминировано действующими на момент совершения речевого акта языковыми конвенциями.* Понимание интеллектуальным историком иллокуции конкретного высказывания автора равноценно знанию о том, какое действие он совершает, делая такое высказывание, и соответственно, – знанию о фактических намерениях автора в тот момент, когда он делает свое высказывание.

(CS3) *Понимание контекста релевантного для исторического текста позволяет определить намерение агента речевого акта.* Таким контекстом, во-первых, являются языковые конвенции, налагающие ограничения на возможные способы использования высказываний в интересующий интеллектуального историка период времени, и во-вторых, доминирующие в данный период времени системы убеждений (обычно также выраженных в соответствующих текстах), защитой, критикой или трансформацией которых занимается автор исторического текста.

(CS4) *В подавляющем большинстве случаев намерение агента (иллокуция) открыто для понимания.* Существует тесная связь между намерениями автора при написании исторического текста и смыслом того, что именно в этом тексте им было высказано, поскольку всякий рационально действующий агент, совершая свой речевой акт, имеет прежде всего намерение высказать нечто и быть понятым.

(CS5) *Посредством своих речевых актов агенты способны вносить существенные изменения в действующие языковые конвенции и системы убеждений.* Ключевая для интеллектуального историка фигура – это так называемый «идеолог-новатор», который, намеренно манипулируя в своем высказывании специальными оценочными терминами (благодаря которым не только описывается некоторое событие, действие или положение дел в мире, но также и выражается определенное отношение автора к ним в виде одобрения или неодобрения, призыва или предостережения), трансформирует прежние конвенциональные ограничения на возможные способы использования высказываний (например, ограничения на принятые в обществе способы обсуждения и решения социальных и политических проблем и т.д.).

В результате довольно детального и комплексного анализа принципов лингвистического контекстуализма (CS1)–(CS5), автор диссертационной работы приходит к заключению о том, что теоретико-методологический подход Кембриджской школы может стать ценным инструментом социально-философских исследований благодаря характерному для этого подхода интересу к различным типам речевых актов как способам действия, с помощью которых люди понимают и организуют собственный социальный мир [стр. 116–118].

Авторская позиция в отношении затрагиваемых и обсуждаемых в диссертационной работе разнообразных аспектов, тесно связанных с исследовательской практикой Кембриджской школы интеллектуальной истории, не только отличается новизной и оригинальностью, но и открыто провоцирует на полемику.

Центральный тезис автора диссертационной работы: «... язык является основой социального действия как способа конструирования социальной реальности и вместе с тем ключом к объяснению ее изменений» [стр. 5–6], – кажется на первый взгляд вполне совместимым с принципами лингвистического контекстуализма (CS1)–(CS5). Аргумент автора диссертационной работы, выдвинутый им в защиту теоретико-методологического подхода Кембриджской школы как релевантного инструмента социально-философского исследования, сводится к следующему набору утверждений:

- (K1) Объект социально-философского исследования (социальная реальность) конституируется социальными действиями.
- (K2) Социальное действие = речевой акт (в более узком смысле: социальное изменение = семантическая инновация).
- (K3) Речевой акт обнаруживает себя в определенном тексте/дискурсе.
- (K4) Понимание речевого акта = знание намерения, которое в него вкладывает агент.
- (K5) Знание намерения = знание контекста (в том значении, которое в понятие контекста вкладывается принципом (CS3)), в котором агентом совершается речевой акт.
- (K6) Теоретико-методологический подход Кембриджской школы (контекстуализм) позволяет достаточно надежным и эффективным образом достигать знания таких контекстов.
- ∴(K7) Теоретико-методологический подход Кембриджской школы (контекстуализм) является релевантным инструментом социально-философского исследования.

Такой авторский аргумент открыт для критики. И наиболее уязвимыми в нем звеньями становятся посылки, выраженные утверждениями (K4) и (K5). Не трудно показать, что в наиболее интересных для социально-философского исследования типах речевых актов фактические намерения агента (и как следствие, все то, что мы могли бы назвать его «реальными действиями») вполне могут не соответствовать намерениям, манифестируемым непосредственно в самом речевом акте.

Для начала необходимо выделить наиболее распространенные в нашей практике типы речевых актов (на основе обобщенной таксономии теории речевых актов Остина-Сёрля):

Декларативы (положение дел в мире меняется, когда имеющий соответствующие полномочия агент произносит определенное высказывание, – например, председатель диссертационного совета говорит: «Начинаем заседание нашего совета»);

Комиссивы (положение дел в мире меняется, благодаря обязательству, которое на себя возлагает агент, когда он произносит определенное высказывание, – например, я произношу предложение: «Обещаю с завтрашнего дня бросить курить»);

Ассертивы (произнесение определенного высказывание агентом выражает его убеждения о том, каково истинное положение дел в мире, – например, я произношу предложение: «Всякое убийство является злом»);

Директивы (положение дел в мире меняется, когда агент произносит определенное высказывание, имея своей целью оказать влияние на поведение другого агента, – например, я произношу предложение: «Будь дома сегодня вечером»)

Экспрессивы (положение дел в мире меняется, из-за отношения к нему агента, которое он выражает путем произнесения определенного высказывания, – например, я восклицаю: «Какой кошмар здесь творится!»);

Квестивы (произнесение определенного высказывание агентом выражает его желание узнать о том, каково истинное положение дел в мире, – например, я задаю прямой вопрос: «Что здесь происходит?»).

Вполне очевидно, что для социально-философского исследования не всякий тип речевого акта представляет равный интерес. Больше внимание, разумеется, вызывают декларативы, комиссивы и директивы, значительно меньшее – ассертивы, экспрессивы и квестивы. Причина лежит на поверхности (особенно, если принять во внимание посылку (K2) авторского аргумента) – наиболее важные социальные действия (конституирующие каркас социальной реальности) совершаются при помощи заявлений, обязательств и приказов агентов, а не путем констатаций, вопросов и свидетельств агентов о своих собственных состояниях. Именно поэтому, даже если мы и можем принять посылку авторского аргумента, выраженную утверждением (K2), она должна быть существенным образом ограничена за счет фиксации конкретных типов речевых актов, действительно играющих ключевую роль в конституировании социальной реальности.

Прежде, чем двинуться дальше, необходимо ввести еще одно принципиальное для теории речевых актов различие. Речевой акт (как правило) включает в себя следующие компоненты (не обязательно все эти компоненты, но хотя бы один из них):

Локуцию (набор доступных для агента грамматических средств, наделенных в данном языковом сообществе смыслом и непосредственно составляющих речевой акт, производимый агентом, – например, в моем случае это могли бы быть такие предложения русского языка, как «Обещаю бросить курить с завтрашнего дня», «Мне следует заняться своим здоровьем» и т.д.);

Иллокуцию (выраженная агентом коммуникативная цель в ходе произнесения определенного высказывания, – например, когда я использую предложение «Обещаю бросить курить с завтрашнего дня», такой целью является обещание сделать сказанное в ближайшем будущем);

Перлокуцию (эффект, оказываемый агентом, при произнесении определенного высказывания, – например, когда я использую предложение «Обещаю бросить курить с завтрашнего дня», таким эффектом могло бы стать доверие с вашей стороны к моему будущему действию).

Рассмотрим теперь простой пример в форме речевого акта, который совершается агентом *A* путем высказывания в адрес агента *B* следующего предложения: «Сегодня вечером будет сильный ливень». Правильное понимание действия агента *A*, выраженного посредством этого заявления, согласно требованиям принципа (CS1), предполагает необходимость идентификации типа речевого акта для того, чтобы мы были в состоянии определить его смысл. Принимая во внимание принцип (CS2), данное высказывание

следовало бы определить как ассертив. Делая подобное заявление в отношении агента *B* (как адресата данного высказывания), агент *A*, по всей видимости, выражает заверение в том, что в будущем дела будут обстоять именно так, как и было сказано (т.е. агент *A* выражает свою уверенность в том, что сегодня вечером начнется сильный ливень). Требования принципа (CS3) подкрепляют подобное понимание, поскольку существующие языковые конвенции (в виде ограничений на возможные способы использования тех или иных высказываний) предписывают агентам использовать подобного рода предложения в целях манифестации ими своих убеждений относительно того, каково истинное положение дел в мире. Допустим, что мы согласны с подобным анализом рассматриваемого речевого акта (по крайней мере, у нас нет никаких видимых оснований для сомнений, ведь применение принципа (CS2) ведет нас к вполне непротиворечивым результатам). Какое действие в этом случае могло бы совершаться агентом *A*? Наиболее очевидный ответ – это выражение заботы (посредством предупреждения). Намерение агента *A* (иллокуция) состоит в том, что агент *A* не хотел бы, чтобы агент *B* промок и заболел из-за непогоды. Определив таким образом фактическое намерение агента *A*, мы можем вновь вернуться к анализу его высказывания и проверить, а действительно ли он совершает то действие, которое мы ему приписываем? Кажется, что такая проверка целиком и полностью подтверждает наш результат. Ведь если бы мы хотели проявить заботу о ком-либо, разве не было бы в этом случае вполне разумным предостеречь его от возможных неприятностей, связанных с непогодой? Разумеется, именно так нам и следовало бы поступить! А это значит, наш анализ речевого акта правильный и мы понимаем смысл сделанного агентом *A* высказывания.

Но что, если мы ошибаемся? Что если на первом же шаге своего анализа мы неправильно определили тип речевого акта? И на самом деле в рассматриваемом нами случае мы имеем дело не с ассертивом, а с директивом. Например, агент *A* произносит высказывание «Сегодня вечером будет сильный ливень», имея целью оказать влияние на поведение агента *B*. Какое действие в тогда совершается агентом *A*? В этом случае есть не менее очевидный ответ – это манипуляция (просто-напросто замаскированная под обычное предупреждение). В свою очередь, это означает, что в своем исходном анализе мы допустили серьезную ошибку, неверно определив намерение агента *A*. Если высказанное агентом *A* в адрес агента *B* предложение «Сегодня вечером будет сильный ливень» на самом деле является директивом, тогда фактическое намерение агента *A* (перлокуция) заключается в том, что агент *A* желает, чтобы сегодня вечером агент *B* оставался дома. Определив намерение агента *A* как желание манипулировать поведением агента *B*, мы могли бы перепроверить этот альтернативный результат, опять же задавшись вопросом, действительно ли агент *A* мог бы совершить действие, которое мы ему приписываем? Очевидно, что проверка подтвердит альтернативный результат. Мне кажется, что обратить внимание кого-либо на неприятности, связанные с возможной непогодой, было бы вполне разумным и скорее всего весьма эффективным способом манипуляции (особенно в тех случаях, когда мы хотим, чтобы этот кто-то не выходил на улицу, а оставался дома).

Какой вывод можно сделать из этого альтернативного анализа? Прежде всего, мы видим, что есть причины для сомнений в безусловной эвристической полезности принципов (CS2) и (CS3) лингвистического контекстуализма Кембриджской школы для анализа некоторых типов речевых актов. Правильное понимание директивов в значительной степени зависит от нашего знания фактических намерений агентов (перлокуций). Более того, некоторые действия, которые совершают агенты, используя директивы, – например, осознанные манипуляции поведением других агентов, – не могут быть нами распознаны и поняты в качестве таковых, если и только если мы не владеем подобного рода знанием. А значит, правильный анализ действий, которые совершают агенты с помощью речевых актов, имея своими намерениями осознанные манипуляции поведением других агентов, должен основываться не на внимании к выраженным самими агентами коммуникативным целям при произнесении ими определенных высказываний (иллокуции), а на изучении непосредственных эффектов, которые оказывались агентами при помощи произнесения высказываний (перлокуции).

Но проблема в том, что лингвистический контекстуализм Кембриджской школы не обладает релевантным инструментарием для таких исследований; напротив, он предлагает полностью игнорировать фактические намерения агентов речевых актов (перлокуции) на том простом основании, что они не могут быть «растворены» в доступных для анализа языковых контекстах. Любопытно, что автор диссертационной работы упоминает об этом обстоятельстве, в частности, при обсуждении разновидностей намерений агентов речевых актов, доступных для анализа на основе принципов лингвистического контекстуализма: «Категория ‘намерений’ делится на две группы. Первая группа – это намерения, предшествующие написанию текста, а потому... иррелевантные и не поддающиеся выявлению в рамках конкретного текста. Вторая группа намерений – то, что непосредственно имело место при написании текста (иллокутивная сила) и поэтому доступное для контекстуального анализа» [стр. 70]. Однако, как мне кажется, именно это обстоятельство и является серьёзным препятствием для прямого транспонирования принципов лингвистического контекстуализма Кембриджской школы (CS1)–(CS5) на область социально-философских исследований. Дело в том, что в самих высказываниях, выражающих директивы, с помощью которых одни агенты осуществляют осознанные манипуляции поведением других агентов, мы не найдем каких-либо следов или свидетельств о фактических намерениях агентов этих речевых актов (перлокуций). И это не вопрос действующей языковой конвенции, а конструктивная особенность подобного рода директивов. *Перлокуция речевого акта, имеющего своей целью осознанную манипуляцию чьим-либо поведением, никогда не может быть его составной частью, либо частью контекста, в котором оно произносится* (по крайней мере, в том значении, которое в понятие контекста вкладывается принципом (CS3)). Агент речевого акта в этом случае не может прямо или косвенно заявить (либо еще как-то дать знать) адресату своего высказывания о своих фактических намерениях, поскольку такое указание очевидным образом ставило бы под угрозу успешность его манипуляции и делало бы бессмысленным сам речевой акт. Для агента *A* в нашем примере просто нет никакого смысла делать следующего вида

высказывание: «Говоря ‘Сегодня вечером будет сильный ливень’, я просто манипулирую тобой, чтобы ты оставался сегодня вечером дома». Смысл речевых актов, осуществляемых посредством директивов, имеющих своей целью осознанные манипуляции чьим-либо поведением, зависит исключительно от их перлокуций, а не от иллюкативной силы, которую мы могли бы им приписать на основе анализа контекста их произнесения. Ключевые конституирующие социальную действительность действия агентов – это явным образом перлокутивные акты. Именно поэтому столь характерная для теоретико-методологического подхода Кембриджской школы «перлокутивная близорукость» (о которой писали многие критики данного подхода [например, см: Beduhn J. D. The Historical Assessment of Speech Acts: Clarifications of Austin and Skinner for the Study of Religions // *Method & Theory in the Study of Religion*. 2000. Vol. 12, no. 1/4. P. 477–505.; Bosworth W., Dowding K. The Cambridge School and Kripke: Bug Detecting with the History of Political Thought // *The Review of Politics*. 2019. Vol. 81, no. 4. P. 621–642. DOI: 10.1017/S0034670519000512]) позволяет не только поставить под сомнение обоснованность посылок (K4) и (K5) авторского аргумента, но и в целом валидность его вывода (K7).

Отдельно отметим, что действенных средств для иммунизации теоретико-методологического подхода Кембриджской школы от высказанной выше критики на самом деле не так много.

Можно было бы попытаться переqualифицировать директивы в ассертивы (где произнесение определенного высказывания агентом лишь выражает его собственные убеждения относительно того, каково истинное положение дел в мире). Важное отличие ассертивов от директивов заключается в том, что в случае подобных высказываний фактические намерения агентов речевых актов (перлокуции) вполне могут являться их составной частью, либо частью контекста, в котором они произносятся. Принципы лингвистического контекстуализма Кембриджской школы (CS1)–(CS5) довольно неплохо справляются с такими типами речевых актов (например, см. анализ К. Скиннером высказывания Макиавелли о том, что флорентийцы утратили *virtu* – качество, без которого невозможно никакое успешное военное или политическое действие). Однако подобная переqualификация имеет свои недостатки.

Во-первых, она не отвечала бы интересам социально-философских исследований. В отличие от интеллектуальной истории, *raison d'être* социально-философских исследований заключается в анализе директивов (ассертивы в них могут играть не более чем вспомогательную роль). Но, видимо, единственная разновидность действия, которая может быть осуществлена посредством директивов, оставаясь при этом доступной для анализа методами лингвистического контекстуализма, – это приказ. И если бы мы верили, что всякая социальная реальность имеет гоббсианский характер и конституируется приказами Абсолютного Суверена, лингвистический контекстуализм Кембриджской школы мог быть релевантным инструментом для социально-философских исследований. Правда, подобная генерализация во взглядах на социальную реальность была бы слишком нереалистичной.

Во-вторых, ключевая для интеллектуального историка фигура «идеолога-новатора» рискует в этом случае превратиться в простой дериват доступного для нашего анализа лингвистического контекста (действующих в данный период времени языковых конвенций и систем убеждений). Выраженные в исторических текстах концепции перестают быть инструментами изменения политической и социальной реальности, а становятся всего лишь релевантными индикаторами таких изменений. Но тогда и теоретико-методологический подход Кембриджской школы трансформируется во что-то похожее на историко-семантические штудии *Begriffsgeschichte*.

В-третьих, даже в ассертивах фактические намерения агентов речевых актов (перлокуции) редко когда становятся составной частью высказываний агента. Речевые акты, направленные на семантические новации (например высказывания «идеологов-новаторов», имеющие своей целью изменение значений основных политических или социальных концепций, вроде «свободы», «равенства», «справедливости» или «общественного блага», с помощью открытой демонстрации аудитории-адресату истинного, по мнению самих этих «идеологов-новаторов», положения дел в мире) – это скорее не иллокутивные, а перлокутивные акты. Перлокутивный акт всякой семантической новации связан прежде всего с рецепцией исторического текста, а не с намерениями его автора. Понимание того, изменится ли значение той или иной основной политической или социальной концепции по причине публикации (либо иного способа огласки) некоторого исторического текста, очевидным образом зависит от того воздействия, которое он окажет на аудиторию-адресат. Поэтому фактическое действие (манипуляция), совершаемое автором исторического текста, посредством его публикации (либо путем придания его огласке иным способом), не может быть полностью редуцировано к тому, что именно он делает, когда создает свой текст. Делая целью анализа авторское намерение (иллокутивный акт), а не факт восприятия исторического текста его аудиторией-адресатом, теоретико-методологический подход Кембриджской школы не только не предлагает нам релевантных описаний подлинных семантических новаций (перлокутивных актов), но и ставит под угрозу реализацию требований своего собственного принципа (CS5), в соответствии с которым мы в своих исследованиях должны уделять основное внимание манипуляциям «идеологов-новаторов».

Наконец, можно было бы попытаться расширить оригинальное остиновское понятие иллокуции так, чтобы с его помощью охватить возможные перлокуции используемых агентами директивов, и в первую очередь таких речевых актов, которые имеют своей целью осознанные манипуляции поведением. И надо сказать, что в распоряжении Кембриджской школы есть такие средства. Используя принцип (CS4), она могла бы прибегнуть к услугам теории намеренного смысла Пола Грайса, который, в отличие от Джона Остина, был твердо уверен в том, что любые доступные для наших речевых актов смыслы (включая перлокуции) полностью «растворимы в языке» (или, если воспользоваться оригинальной терминологией данной теории, – любые возможные смыслы высказываний агентов всегда подчинены общим коммуникативным целям нашего речевого поведения). Вероятная схема анализа директивов в этом случае

приобретала бы вполне узнаваемые черты описаний интенциональных состояний агента речевого акта:

Всякое утверждение вида «Агент *A* имел нечто в виду, делая определенное высказывание *X*» истинно, если и только если агент *A*, высказывая *X* в отношении некоторого агента *B*, ставит перед собой следующие осознанные цели:

(G1) высказывая *X*, агент *A* хочет, чтобы у агента *B* возникла определенная реакция *R*;

(G2) высказывая *X*, агент *A* хочет, чтобы агент *B* понимал, что он имел своим намерением именно (G1), – т.е. что он с помощью *X* добивался того, чтобы у агента *B* возникла определенная реакция *R*;

(G3) Агент *A* хочет, чтобы (G1) стало результатом (G2), а не каких-либо иных причин.

Подобная схема анализа директивов позволяет сделать важный для защиты лингвистического контекстуализма вывод. Действительно, условие (G2) имплицитно включает в себя тезис о том, что агент *A* должен хотеть, чтобы агент *B* понял, что агент *A* хочет, чтобы у агента *B* возникла определенная реакция *R*. Поэтому намеренный смысл, который агент *A* сообщает агенту *B* при помощи высказывания *X*, прямо или косвенно должен являться составной частью вербальной коммуникации, в противном случае, условие (G3) оказалось бы абсурдным. Перлокутивная сила высказывания *X* возникает, если и только если предполагаемое им действие распознается агентом *B* благодаря пониманию фактического намерения агента *A*, выраженного условием (G1). Вполне возможно, что благодаря условиям (G1)–(G3) некоторая часть директивов, с помощью которых одни агенты осуществляют осознанные манипуляции поведением других агентов, будет доступна для правильного анализа. Но попытка распространить действие данной схемы анализа на все без исключения директивы была бы очевидной ошибкой. Перлокутивный акт – наименее поддающийся вербальной коммуникации аспект речи, поскольку он действует путем влияния на эмоции и иные реактивные установки адресата, а не на средства понимания адресатом намерений агента речевого акта. В нашем примере конкретного директива, когда агент *A* произносит в адрес агента *B* высказывание «Сегодня вечером будет сильный ливень», намереваясь манипулировать его поведением (добиваясь реакции *R* в виде *нежелания* агента *B* покидать свой дом этим вечером), условие (G2) не только не соблюдается, но и в принципе не может быть соблюдено. Для этого агенту *A* потребовался бы совсем другой речевой акт, нежели тот, который был совершен, поскольку он был бы обязан ради его соблюдения сделать свое намерение частью вербальной коммуникации, например, посредством просьбы («Пожалуйста, оставайся этим вечером дома!») либо угрозы («Даже не смей думать о том, чтобы этим вечером выйти из дома!»). Как следствие, подобный анализ не только вытеснил бы вопросы о перлокуции речевых актов из нашего обсуждения, но и полностью подменил бы перлокутивное использование языка расширенным благодаря условиям (G1)–(G3) пониманием иллюкуции. И мы бы вновь столкнулись с очередной нереалистичной генерализацией, на этот раз во взглядах на способы совершения действий при помощи слов.

Высказанные выше замечания носят строго полемический характер и не влияют на высокую положительную оценку диссертационной работы Дауда Эсенбаевича Кадырова.

